

М А Я Т Н И К Ъ Д У Ш И.

Разсказъ А. С. Грина.

Великолѣпныя трагедіи расцвѣтають на фонѣ нашей дѣйствительной недѣйствительности.

Большинство ихъ — трагедіи смерти, любви, подвига, перевозбужденнаго сознанія и озвѣренія. Но есть трагедіи — орхидеи, среди этихъ черныхъ розъ и жесткихъ безсмертниковъ. Одна такая трагедія встрѣтилась на моемъ пути.

Представьте человѣка лѣтъ тридцати, болѣзненнаго, но съ спокойнымъ лицомъ, возсѣдающаго у раскрытаго окна. Человѣкъ — въ халатѣ и туфляхъ. На головѣ его — голубая, не то татарская, не то — греческая чеплашка. Предъ нимъ, на подоконникѣ — стаканъ крѣпкаго чая, ягоды, папиросы и развернутая книга: томъ гр. Салиаса.

Противъ хозяина сидѣла сѣренькая молодая кошка, съ ленточкой на шеѣ и умысалась.

Съ первыхъ же минутъ встрѣчи меня поразило то, что хозяинъ, чрезвычайно внимательно выслушивая мои сообщенія, — мои рассказы о революціонныхъ конвульсіяхъ Петрограда, — ограничивался, въ лучшемъ случаѣ — короткимъ кивкомъ; большею же частью разсѣянно наполнялъ ротъ ягодами или молчаливо курилъ. Наконецъ, я выговорился. Репьевъ помолчалъ, затѣмъ, вдумчиво произнесъ:

— Да, всякія бываютъ вещи на свѣтѣ.

Съ нескрываемымъ удивленіемъ задалъ я ему слѣдующій вопросъ:

— Васъ, кажется, мало интересуютъ событія?

— Нѣтъ... ничего; — вяло произнесъ онъ и снова обратился къ тарелкѣ съ ягодами.

— Я васъ не узнаю, — продолжалъ я. — Не далѣе, какъ полгода назадъ вы бились съ бессонницей и говорили до хрипоты о явленіяхъ, менѣе значительныхъ, чѣмъ нынѣшній кругъ потрясеній. Вы вздрагивали отъ скрипа двери. Вашей пищей была газета. Вы были въ той категоріи современниковъ, которымъ *эта* дѣйствительность давила мозгъ и топтала душу. Я вижу Салиаса и кошку, видъ на рѣчку и — черную смородину, но *васъ* я не могу признать въ человѣкѣ, терпѣливо перекладывающемъ испорченныя ягоды въ ровную, какъ клубокъ, кучку.

Репьевъ оживился. Я, видимо, затронулъ вопросъ, интересующій его самого.

— Я знаю это, — улыбаясь, заговорилъ онъ. — Вы, мнѣ, вотъ что скажите: случилось ли вамъ испытывать чувство *исторической зависти*?

Я не понялъ и сказалъ это.

— Кажется, я употребилъ неудачное слово, — продолжалъ Репьевъ. — Тогда — такъ: когда мы глядимъ въ прошлое, на нѣкоторыя, изумительныя страницы исторіи, полныя сказочно-величавыхъ дѣлъ, словъ, поступковъ; людей — гремѣвшихъ и страшныхъ; картинъ трагическихъ и волненій отдѣльныхъ жизней, паломинавшихъ цвѣтныя огни: когда все это звучитъ въ нашемъ сознаніи сложной мелодіей, овѣянной столѣтіями искусства, примѣниваго кисть, рѣзель, перья и клавиши для поэтическаго увѣковѣченія происшедшаго, — мы, — я, по крайности, — испытывалъ зудливое желаніе жить въ тѣ эпохи, участвовать въ тѣхъ событіяхъ...

— Или такихъ же... — перебилъ я.

— Или такихъ же... да; — и быть, хотя бы, ря-

довымъ человѣкомъ, но современнымъ этимъ восхитительнымъ, грандіознымъ кипѣніямъ. Даже жертвы исторіи казались мнѣ плачущими отъ счастья избранниками судьбы.

— Обычный обманъ зрѣнія.

— Да. Тогда, до войны, — и вы знаете, какую сѣрую, затертую жизнь велъ я въ то время, — жизнь маленькаго службиста; — тогда я еще не понималъ великаго смысла одиннадцати буквъ: «Перспектива». Я разсматривалъ историческую перспективу зафиксированной, какъ въ картинѣ — пейзажѣ, и недоступная разбору зрѣніемъ твердыня этаго отдаленія была для меня, естественно, такой, какъ казалась: сферической полутьмой, полной эха, рождаемаго неопредѣленными звуками и отдѣльных, весьма яркихъ, образовъ. Перспектива же обывательскаго настоящаго не могла, понятно, быть мнѣ, тогда, — ни перспективой и ничѣмъ инымъ, — кромѣ самого себя, переживающаго то-то и то-то.

«Вотъ поднялась война и за ней вспыхнула революція. Согласенъ, что войны — *такой*, — еще не было. Согласенъ и съ тѣмъ, что діалогъ нашей революціи — циклопиченъ, въ сравненіи съ великой французской революціей. Рядъ нервныхъ потрясеній, принявшихъ хроническую затяжность, утомили меня за три года, какъ бочка — водовозную клячу, а шестрая смѣна, на различныхъ пьедесталахъ, большихъ и пребольшихъ, — опредѣленно — историческихъ фигуръ, — стала ежедневнымъ пайкомъ. Я ждалъ, что испытаю влюбленность въ это историческое настоящее, и получу счастье волшебника, отпирющаго маковымъ зерномъ дворцы и храмы. Однако, я точно видѣлъ, у кого на сапогѣ дырка, кто пьетъ валеріановыя капли и кто, тѣмъ, достаетъ масло; видѣлъ, что идетъ дождь, что дворники метутъ улицы, и что ноги, когда долго ходишь, устаютъ совершенно также, какъ уставали онѣ при Цезарѣ или Маратѣ. Я привыкъ къ выстрѣламъ, холодно разсуждаю о голодовкахъ, и, даже цепелинная бомба, разорвисъ она на полгорода, — весьма умѣренно заставила бы меня вздрогнуть. И стало мнѣ такъ же скучно, какъ во времена дремлющаго на солнцѣ городского, пожарной каски среди кухоннаго стола и остро-политическихъ маѣвокъ, съ гимназической ихъ любовью и распѣваніемъ стиховъ Некрасова. Я уразумѣлъ, что парижанинъ девяносто третьяго года имѣлъ право разсѣянно проходить мимо гильотины, прислушиваясь къ стуку топора съ не большимъ волненіемъ, чѣмъ къ стуку маятника.

«Затѣмъ произошло слѣдующее. Перспектива 1913 года стала, таки, — дѣйствительно, перспективой, и я съ волненіемъ, съ завистью (см. выше...) обратился взгляды на ея душистое, спокойное лѣто, бѣлую зиму, на ея обжорные чайные столы, холодную водку, книги о приключеніяхъ и на ея общія, благодущныя, размысленія «о томъ, о семъ, а, больше, ни о чемъ»... Какъ были счастливы тѣ люди, которые... (см. выше!)... На крысѣ вагона я пріѣхалъ сюда, искренно волнуясь отъ мысли, что буду ѣсть жареныхъ окуней и слушать старыя, хорошія деревенскія пѣсни. Если, не такъ еще давно, моя душа трубила возстаніе, то теперь она,

съ неменьшимъ увлеченіемъ, вторить комариному писку.

— А затѣмъ?

— Дайте срокъ. Когда нибудь, отчаянно сытый такимъ,—не смѣйтесь!—историческимъ благополучіемъ, я снова произнесу эти роковыя слова...

— См. выше?

— Да. Вотъ счастливы! Маратъ! Натъ леонъ! Алая и Бѣлая Роза! Марія Стюартъ! Спартакъ! Карфагенъ! Римъ!

— Отлично. О-хо-хо.

— Да...

«Сорокъ человѣкъ на ящикъ мертвеца...

«Ю-хо-хо!

И бутылка рома».

Сказавъ это, Репьевъ, вдругъ вставъ, отошелъ въ уголъ. Я не слѣдилъ за нимъ и обернулся только на выстрѣлъ.

Пуля пробила сердце.

А. С. Гринъ.

О ДВУХЪ ПОЭТАХЪ.

Наброски Ст. Вар.

I.

Молодое вино.

† Д. Коковцевъ.

Нерадивый поваръ въ кафѣ плеснулъ недоваренную воду—поэтъ хлебнулъ чашку кофе, и умеръ въ судорогахъ, отъ холеры.

Душа Д. Коковцева жила чужбиной. „Эти бѣдныя селенія“ родины не давали настроенія юнѣшъ. Только углубленные зрѣлостью глаза познаютъ красоту—въ обыденномъ.

Парижъ, Римъ, Альпы, Церматтъ съ горнымъ озеромъ, Скандинавія—Бретонскія легенды. Нюрнбергская дѣва.—Книга мертвыхъ. Откровеніе Іоанна. А. Шенье...

Муза „нерадостной встрѣчи“ дала поэту кольцо въ знакъ обрученія.

Глянула въ душу мою—

Сдѣлала душу пустыней.

Музъ печальной пою.

Старой и бѣлой богинѣ.

Чую нѣтающий ледъ

Въ голосѣ, въ медленныхъ взорахъ...

Сквозь мечтатій полетъ,

Бѣдныя мысли, какъ шорохъ.

Книга мертвыхъ. Поэзія несмѣлыхъ желаній—не потому ли поэтъ влечетъ къ себѣ религія. И жрецы ея—борящіяся съ плотью—образами своими наполняютъ три книжки стиховъ. И самъ поэтъ грезитъ о „первой любви“:

Тѣнь моя крадется къ дому...

Въ ночь безъ огней и луны

Ты отдаешься ночному

Гостю изъ мертвой страны...

Вотъ на разсвѣтѣ Троицына дня „въ дальній скитъ уходить богомолки“. Проходятъ черезъ лѣсъ. И шепчутъ имъ бѣсъ—вѣдунъ, другъ лѣснаго:

Шепчутъ онъ: „Какимъ пѣвучимъ

звономъ

Божій скитъ красавицъ заманилъ?

Въ терему спокойномъ и зеленомъ

Я-ли вамъ, смиренницы, не милъ?

Мы въ лѣсу любовь свою схоронимъ,

Чтобъ никто ее не подсмотрѣлъ.

Полно вамъ, запуганнымъ тихонямъ, Изнурять красу весеннихъ тѣлъ!“

Вотъ пустыникъ идетъ въ городъ съ горячей проповѣдью.

Но въ глухихъ переулкахъ—Молодымъ зацвѣтаетъ виномъ Молодая и дикая страсть...

Чья-то пляска пьяна и жарка... Дѣвушка—раньше цвѣтка... Чьи-то поцѣлуй... И растетъ гроза въ сердцѣ пустытника.

И растетъ опьяняющій гулъ, Буйно шепчетъ весенняя мгла:

— Проповѣдникъ тебя обманулъ,

И пустыня тебѣ солгала.

И ярче другихъ—этотъ странникъ въ весеннемъ полѣ, пьяный отъ зеленого шума, подобный рабу, призывавшему царицу фей. Масть и павшему трупомъ, опьяненный обманной лаской губъ „воздушностью красивой“.

Странникъ.

Въ сладкомъ весеннемъ бреду Тышуся то плясать, то звономъ...

Въ темныя церкви иду,

Клянусь древнимъ иконамъ...

Къ праведнымъ ликамъ припадъ,

Строгую тайну цѣлую...

Только отъ ласковыхъ травъ

Знаю другую, другую...

И чудится, послѣ такихъ стиховъ, своихъ, родныхъ, не перепѣтыхъ, что въ юнѣшъ, нелѣпо похищенномъ изъ міра, тайлся, еще не расцвѣтшій—Обрученный съ Божьей тайной, Рыцарь солнца и поэтъ!

Съ настроеніями чуть-мистическими, по-русски—реально-благостными, въ единеніи мистики съ простой русской природой:

Я счастливъ утреними длинными,

Благими звонами кадилъ...

Передъ иконами старинными

Я жду невѣдомыхъ свѣтилъ...

Коротко было утро поэта. И не успѣлъ онъ дожидаться своихъ невѣдомыхъ свѣтилъ.

Чашка непровареннаго лакеемъ, небрежнымъ и жаднымъ, кофе—и умеръ поэтъ

II.

Испорченное вино.

(В. Князевъ.)

Талантливый поэтъ-сатирикъ Вас. Князевъ былъ человѣкъ, какъ человѣкъ: ходилъ на двухъ ногахъ, имѣлъ всѣ 32 зуба, даже зубы мудрости, питался, какъ поэтъ, акридами и дикимъ медомъ, приправляя иногда эту пищу поговѣй амброзіей, напиткомъ Аполлона.

И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ одно ненастное утро поэтъ всталъ съ кровати—лѣвой ногой. Встать всталъ, а стоять прямо уже не могъ—упалъ на полъ, на всѣ четыре ноги—сдѣлался вмѣсто двуногого человѣка—четвероногимъ волкомъ.

Теперь онъ въ „Красной Газетѣ“ „Волчьи пѣсни“ поетъ.

Волчья колыбельная.

Волченочъ, спи! ты долженъ спать, Ты долженъ силы накоплять, Чтобъ въ дикой, жизненной борьбѣ Кусокъ достался и тебѣ,

Коль быть не хочешь на цѣпи,

Волченочъ—спи!

Лишь ноги кормятъ нашу рать—

Мужай, коль хочешь жить и жрать.

И, встрѣтя пса въ глухомъ лѣсу,

Клыками впишься въ горло псу!

Волченочъ, спи, Волченочъ, спи!

И въ сердцѣ ненависть копи!

Василій Князевъ.

Homo homini lupus est—къ старому, устарѣлому, къ звѣриному зоветъ поэтъ свою простецкую аудиторію. И пойдутъ за нимъ.

Не оцѣнятъ таланта поэта—поймутъ лишь звѣриную злобу стиховъ. Соблазняются малые сн. Тѣ, о которыхъ въ одной, тоже очень старой, книгѣ сказаны неглупыя слова:

— Лучше такому человѣку возложить жерновъ на шею и ввергнуться въ море, чѣмъ соблазнить единого отъ малыхъ сихъ...

Ст. Вор.

Для удобства нашихъ московскихъ покупателей Гл. Контора „Синяго Журнала“ открываетъ съ 15 Іюля въ Москвѣ—отдѣленіе для пріема подписки и отпуска журнала газетчикамъ, куда Главная Контора и проситъ обращаться впередъ г. г. покупателей и продавцовъ.

Временно Московское Отдѣленіе Главной Конторы будетъ помѣщаться: Москва, Б. Садовая 13, кв. 18. Телеф. 453—29 и 351—68.